

УДК 821.511.143

DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-2-223-230

Жанровая специфика рассказа Ювана Шесталова «Потёпка»

С. С. Динисламова

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
dinislamovass@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. В статье рассматривается жанровая специфика рассказа Ювана Шесталова «Потёпка». Исследование проводится как на основе общепризнанных жанровых признаков, так и с учётом существенных черт, характерных для «младописьменных» национальных литератур. Шесталов приходит в литературу, когда обозначается новый культурный миф, основу которого составляют идеи вымирающего национального мира и переустройства сознания людей для новой жизни.

Мы попытаемся показать, как автору удаётся создать эпический сюжет в минимальном пространстве текста.

Цель: исследовать прозу Ювана Шесталова на предмет выявления особенностей жанра рассказа.

Материалы исследования: рассказ Ювана Шесталова «Потёпка», созданный писателем в начале творческого пути.

Результаты и научная новизна. Юван Шесталов, обратившись к созданию прозаических жанров, пишет рассказы, в которых показывает конкретные случаи из жизни своих героев. В рассказе «Потёпка» (1963) через судьбу героя им показаны перемены в жизни и сознании манси. Для Потёпки отказ от роли шамана в пользу роли советского артиста – смена амплуа. Писатель передаёт внутренний (психологический) и общественный конфликт, раскрывает своеобразный национальный характер, на формирование которого, в целом, воздействовали многие события времени. Его герой поочередно живёт в двух мирах, и конфликт рассказа состоит не столько в характере его взаимоотношений с внешним пространством, но, возможно, в большей степени – в его внутренней борьбе. Кажется, что эпоха побеждает: Потёпка был шаманом, стал артистом. Однако то, какое воздействие оказывает на зрителей его песня, исполняемая на сцене, говорит, что он всё ещё хранит в себе шаманскую сущность. Именно взаимодействие художественного произведения с фольклором обусловило стиливое своеобразие рассказа.

Ю. Н. Шесталов в рассказе «Потёпка» совмещает характерные черты разных жанров: представлено четыре стихотворения, описан шаманский обряд исцеления больного.

Ключевые слова: Юван Шесталов, мансийская литература, шаманская тема, Потёпка, особенности жанра, рассказ, манси.

Для цитирования: Динисламова С. С. Жанровая специфика рассказа Ювана Шесталова «Потёпка» // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 223–230.

Genre specificity of the story «Potyopka» by Yuvan Shestalov

S. S. Dinislamova

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
dinislamovass@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction. The article deals with the genre specifics of the story by Yuvan Shestalov «Potyopka». The research is carried out on the basis of the general genre features, as well as the essential features which are characteristic for national literatures with a recent system of writing. Shestalov had come to literature, when a new cultural myth was denoted, the basis of which was the idea of an extinct national world and the reconstruction of people's consciousness for a new life.

We will try to show how the author could create the epic plot on the minimum space of the text.

Objective: to study the prose of Yuvan Shestalov to identify the features of the genre of a story.

Research materials: the story by Yuvan Shestalov «Potyopka» created by him at the beginning of his career.

Results and novelty of the research. Yuvan Shestalov, turning to the creation of prose genres, wrote the stories in which he showed the specific cases of lives of the characters. In the story «Potyopka» (1963) through the fate of the hero the author showed changes in the life and consciousness of the Mansi. Rejection of the role of the shaman in favor of the role of the Soviet artist appeared as change of the role for Potyopka. The writer described the internal (psychological) and social conflict, reveals a kind of national character, which was influenced by many events of the time. His hero successively lives in two worlds, and the conflict of the story is not so much in the nature of his relationships with the outer space, but perhaps more – in his inner struggle. It seems that the epoch wins: Potyopka was a shaman and became an artist. However, the impact of his song on the audience, performed on stage, shows that he still retains the shamanic essence. Interaction of the work of art with folklore has determined the stylistic originality of the story.

Shestalov combines the typical features of different genres in the story «Potyopka». He presents four poems and describes a shamanic rite of healing.

Key words: Yuvan Shestalov, Mansi literature, shamanic theme, Potyopka, features of the genre, story, the Mansi.

For citation: Dinislamova S. S. Genre specificity of the story «Potyopka» by Yuvan Shestalov // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9 (2): 223–230.

Введение

Эпические произведения обладают значительными изобразительными возможностями, помогающими читателю познавать окружающий мир, осмыслять глубинные проблемы бытия. Писатели, используя разнообразные художественные средства, выражают через них своё понимание исторических, нравственных, социально-политических, психологических и других проблем, которыми живёт общество в целом и каждый человек в отдельности.

В данной работе мы обращаемся к эпическому жанру Ю. Шесталова – рассказу. Известно, что писатель-манси, начав творческий путь с поэзии, в 1960-е годы переходит к созданию рассказов, очерков, новелл. Своё обращение к прозе он связывает с тем, что жизнь не укладывалась в рамки стихов и поэм, ему хотелось вмешаться в жизнь и помогать своим пером изменять действительность. А. В. Пошатаева подчёркивает, что начинающего автора привлекли широкие возможности прозы, «открывающие новые горизонты познания жизни и воздействия на неё. Но и тут поэзия не осталась в стороне. Это-то и определило своеобразие повестей Шесталова» [7, 9]. Подчеркнём, что первые повести писателя «Синий ветер каслания» (1964), «Когда качало меня солнце» (1972) состоят из отдельных рассказов, написанных ранее.

Для раскрытия специфики исследуемого жанра в творчестве Ю. Шесталова, произведение рассматривается нами на основе общепри-

нятых жанровых признаков рассказа. Однако тот понятийный аппарат, который выработан в литературоведении, не отображает процессы, происходящие в «младописьменных» национальных литературах, в частности – в творчестве писателя-манси. Ю. Шесталов приходит к литературе в тот период, когда обозначается новый культурный миф, основу которого составляют идеи вымирающего национального мира и переустройства сознания людей для новой жизни. Н. Е. Щукина справедливо отмечает: «Невозможно описать в терминах, привычных для традиционного европейского литературоведения, такие категории, как жанровое своеобразие, пространственно-временные отношения, мифопоэтические модели мира, отношения автора и рассказчика, возникающие в произведениях, созданных писателями, представляющими малые народы, населяющие Россию» [13].

Обращаясь к исследованию рассказа Ю. Шесталова «Потёпка» (1963), мы попытаемся показать, как автору удаётся создать эпический сюжет на минимальном пространстве текста, выявляя тем самым особенность данного жанра в творчестве.

Материалы и методы

Юван Шесталов при создании прозаических произведений, освобождаясь от власти литературных условностей, предпочитал вымыслу рассказ о том, что действительно было, происходило с ним самим. Причины именно такого предпочтения можно понять, исследуя

жанровую природу его произведений. В данной статье для выявления существенных особенностей отдельного жанра в творческой биографии писателя мы обращаемся к рассказу «Потёпка» (1963).

В работе использованы целостный, структурно-системный, структурно-семантический и фрагментарный анализы художественного текста.

Результаты

Зарождение литературного процесса у народа манси, как и у других народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, происходит в 1930-е годы. Литературы прошли путь ускоренного развития. Если учесть неверие в творческие возможности северян, с одной стороны, и значимость сделанного за период жизни одного лишь поколения, с другой, то становятся ясными и небывалые трудности, и титанический труд, и ценность опыта первых писателей. Они все примерно одного возраста, все учились или в Ленинграде, или в Москве. Их произведения убедительно показали возможность вовлечения национальных литератур в общий поток истории и мировую культуру. Исследователи отмечают, что общей закономерностью их становления и развития оказалась первоначальная ориентация не на национальный фольклор, а на опыт старших товарищей по перу и, прежде всего, на богатый традициями опыт русской литературы. М. Н. Соболева считает, что именно она повлияла на выбор тематики отдельных произведений молодых национальных авторов, ими даже повторялись «некоторые особенности сюжетостроения книг русских писателей. <...> Процесс овладения мастерством художественного творчества, познание специфики отражения жизни своих племён и народностей, выработка аналитическо-психологического, концептуального и эстетического принципов в подходе к образу человека Севера, освоение национальной художественной формы происходило при непосредственном участии русских писателей, разрабатывающих в своём творчестве инонациональную тему» [8]. Воздействие более зрелых литератур на формирование младописьменных литератур рассматривали: А. В. Пошатаева, Ю. Г. Хазанкович, В. Д. Лебедев, Г. А. Чёрная, Л. В. Оганезова, а также зарубежные авторы: Петер Домокош [14], Каталин Надь [15], Ева Тулуз [16]. Исследованию жанров творчества Ю. Шесталова посвяще-

ны статьи С. С. Динисламовой «Трансформация жанра поэмы в творчестве Ювана Шесталова на примере “Языческой поэмы”», «Смешение прозы и поэзии в творчестве Шесталова как преемственность фольклорных традиций».

В данной работе нами исследуется жанровая специфика рассказов Ювана Шесталова. «Рассказ – это одна из малых литературных форм. Он представляет собой небольшое по объёму повествовательное произведение с небольшим количеством героев. При этом изображаются кратковременные события» [5], т.е. одна из основных закономерностей данного жанра – это единство времени, хотя, как известно, данное правило соблюдается не всегда, встречаются произведения, в которых сюжет охватывает либо всю жизнь героя, либо действие длится веками. Например, у А. П. Чехова в рассказе «Душечка» показана вся судьба персонажа, а в «Попрыгунье» автор изобразил события жизни нескольких героев, показал их взаимоотношения, но «это даётся предельно уплотнённо, сжато. Именно сжатость содержания, большая, чем в повести, является общим признаком рассказа и, пожалуй, единственным» [5]. Помимо единства времени, жанр рассказа характеризует единство места, главного героя и единство центра, «некоего определяющего, центрального знака, “стягивающего” все другие. <...> Главный образ должен быть в любом рассказе. Именно за счёт него держится вся композиция. Он задаёт тему произведения, обусловливает смысл рассказанной истории» [5].

Ю. Шесталов, обратившись к созданию прозаических жанров, сначала пишет рассказы: «Соболь не уйдёт, а жена ушла» (1961), «Любовь всё может» (1961), «Шаман пришёл в клуб» (1962), «Ай-Теранти» (1963), «Красный чум» (1963), «Потёпка» (1963) и др. В них описываются конкретные случаи из жизни, происходящие с героями: охотниками, рыбаками, оленеводами, бригадирами, учителями, зоотехниками. Почти у каждого из них есть прототип. Например, в рассказе «Ай-Теранти» прототипом главного героя является Т. Г. Харамзин, в рассказе «Соболь не уйдёт, а жена ушла» прототип героя Сильки – С. С. Садомин, есть прототип и у шамана Потёпки. Шесталов своим творчеством, как отмечает П. Домокош «обеспечил известность своему народу» [4, 243]. И действительно, писатель сумел ярко и вдохновенно рассказать другим народам о своём этносе, познакомить с его исторической судьбой, верованиями, обычаями, обрядами, традиционным укладом жизни.

История главного героя в рассказе «Потёпка» показана через воспоминания и через восприятия героя-повествователя. Предваряет рассказ эпиграф, функция которого заключается в выражении его идеи и авторской позиции. В эпиграфе, сочинённом Шесталовым, последние строки как-бы подсказывают, в каком ключе надо понимать произведение.

Ветры свищут, вьюга рыщет,
Вьюга в сердце рвётся,
Чуя горе, вьюге вторя,
Сердце рыбой бьётся.
В те слепые дни былые
Знал ли я, болея,
Что ведь доктор счастье мог бы
Мне вернуть быстрее? [11, 370]

Герой-рассказчик вспоминает свои детские годы, когда во время болезни шаман Потёпка проводил над ним обряд исцеления.

Сюжет произведения при первом прочтении кажется простым, начинается представлением главного героя: «Потёпка! Какой манси не знает этого имени! Как имя зверя, как имя рыбы, знакомо оно манси. Но почему же мужчины при виде Потёпки смотрят поверху, словно гордые лоси, а женщины косятся по сторонам, подобно трусливым зайцам» [11, 370]. Потёпка считался сильным шаманом, он призывал людей поклоняться небу, «иначе счастье никогда не найдёт к вам дороги. В домах же ваших поселятся болезни и нечисть» [11, 370]. Эти слова пугали людей, ведь они уже расстались со своим прошлым, живут в советское время, выбрали современные профессии, теперь они: колхозники, учителя, врачи. Задача второстепенных персонажей, как и в традиционно понимаемом рассказе, у Ю. Шесталова ограничивается созданием некоего фона. Так с помощью старух, которые присутствовали на обряде, писатель раскрывает шаманский дар главного героя:

- Счастье, что живёт среди нас такой шаман!
- Без шамана наши души иссохли бы, как сохнет вяленая рыба!
- Боги слушают нашего шамана. Он вернул душу мальчишке! [11, 374]

Шаманом проведён обряд, писателем кратко показаны его этапы (подготовительный, созывание духов, разговор с духами). Исцеление состоялось. Веру вселили и помогли ребёнку выздороветь, в том числе, и слова старух.

Спустя двадцать лет герой-повествователь, приехав в родные края, вновь увидел Потёпку. Он думает: «Жил я в Ленинграде и иногда раз-

мышлял о шайтанах. И мне не бывало при этом смешно. То было детство... Детство моё и моего народа. <...>

Да, в детстве веришь всему. Теперь-то я знаю: не шайтаны меня излечили, и без них бы не умер я. Все знают теперь, что шайтанов на свете нет. Просто случилось так, что болезнь прошла сама. Я же поверил неграмотным старым манси, что Потёпка спас мне жизнь.

Но детство не вечно. Я вырос и стал другим» [11, 375].

В художественной конструкции рассказа и сюжет, и образы, элементы композиции подчинены задаче самовыражения героя-повествователя, осмысления мира через себя, в самом себе. Став взрослым, он осуждает свою детскую веру в духов и шаманов. Теперь он – человек новой формации и уже стал горожанином. Кажется, что он отошёл от своей традиционной культуры, но подчёркивание шаманского дара Потёпки говорит в пользу того, что традиционное в нём ещё живо. Е. В. Чепкасов в работе «Художественное осмысление шаманства в произведениях Ю. Н. Шесталова 1950-х – 1980-х годов» пишет: «...вероятно, Ю. Шесталов счёл, что негативная информация о шаманстве бросила бы тень на мансийскую духовную культуру и историю. Кроме того, ценность шаманского дара определяется тем, что шаманство, по Шесталову, является древней поэзией, которая породила поэзию современную» [10, 279]. В подтверждении данных слов, в новом современном времени Потёпка становится у Шесталова артистом. Артистизм свой он проявлял в мансийской самодеятельности.

Герой-повествователь, увидев Потёпку на берегу Оби танцующим мансийский танец в толпе мальчишек, акцентирует внимание на его настроении: «Глаза его излучали веселье, неутомимые руки извивались, взлетали вверх. Он танцевал и пел. А вокруг него прыгали ребятишки. Они прыгали и задавали Потёпке вопросы. А он отвечал, продолжая плясать» [11, 375]. По поведению героя можно сделать вывод, что шаманские способности у него сохранены. Чувствуют и знают об этом и дети. Они задают ему вопросы:

– Почему Гагарин летает по небу? Он не шайтан, он человек. Почему же он так высоко летает? Почему мой отец не может взлететь к небу? Мой отец грамотный, он учитель, а подняться в космос не может.

Потёпка не прервал пляски. Он только чуть-чуть замедлил её и запел в такт своим движениям:

...Почему не шайтан, а человек Гагарин
В небо взлетел, поднялся в космос?
Слушай, маленький, точно палец, мальчик.
Носит Гагарин имя священной птицы гагары,
Потому и взлетел он до самого неба.
Лулы эту птицу зовут по-мансийски,
По-русски гагарой её называют.

Выше шайтанов летает в небе Гагарин!

Хорошо, что он носит имя священной птицы лулы! [11, 376].

Писатель-манси хорошо знаком с родной мифологией и поэтому познавательная функция древних мифов существенно повлияла на художественную ткань произведений. Как видим, они представлены «не только прямым переложением текста, наблюдаются и их преобразования» [1, 12–19]. В данном случае ключом к трансформации символического образа послужило созвучие слов: гагара – Гагарин.

Отметим также органичный переход от прозы к поэзии в рамках одного произведения. Корни такой своеобразной формы рассказа, как и всего шесталовского творчества, кроются в особенностях его фольклорного мышления. У народа манси мифы, песни, некоторые сказания исполняются в песенной форме; сказки, прозаические тексты, легенды – речитативом. При этом исполнитель волен чередовать песню и сагу, используя своеобразную мелодию, аккомпанемент «журавля» или «лебедя». Обычно исполнитель подытоживает главную мысль речитативом, делает своеобразное вступление и снова начинает петь. В целом, такое исполнение помогает закрепить в сознании слушателя значение произведения. Момент перехода с песенного исполнения на речитатив воспринимается наиболее внимательно и трепетно, так, словно раскрывается некая тайна. Писатель данную традицию вводит и в поэзию, и в прозу, он гениально совмещает в произведениях характерные черты разных жанров, например, в рассказе «Потёпка» у него представлено четыре стихотворения, описан шаманский обряд исцеления. Через его описание автор представляет читателю религиозные воззрения народа, раскрывает и личное отношение к традициям. Ритуальный обряд исцеления больного – «турман кол» («тёмный дом») бытовал до 70-х годов XX века. Проведением такого ритуала мог заниматься шаман, обладавший особыми способностями к предвидению. Таким образом, герой Шесталова в самом начале произведения – всесильный шаман. Спустя годы, вместе с угасанием народных традиций, пропала необходи-

мость в шаманской практике и поэтому он становится артистом.

Следующий эпизод рассказа – смотр художественной самодеятельности. Бывший шаман Потёпка исполняет на сцене песню о том, как трудно человеку жить без колхоза. Герой-повествователь констатирует: «Он пел и рассказывал в песнях о своей извилистой жизни. Пел о том, как ушёл от новой жизни в тайгу, чтобы жить с одними деревьями, чтобы жить с деревянными идолами. Но затосковал он в тайге. Нет, не понимали деревья человека. И птицы человека не понимали. А идолы без людей оказались бессильными и не могли творить никаких чудес. И тогда вернулся в деревню, чтобы жить вместе со всеми, чтобы веселить песней сердца и души людей» [11, 378]. После исполнения песни из всех зрителей только одна «древняя старуха», осуждающе прошамкала: «Пляши, пляши! Шайтан покинул тебя и никогда не вернётся к тебе! Смотрите, до какого позора дошёл Потёпка!» [11, 378], другие же, восторженно приняв выступление, рекомендовали артисту выступить в окружном центре.

Спустя некоторое время Потёпка выступает в окружном центре. И здесь начинается событие, которое можно назвать кульминационным в рассказе. Если в первом выступлении в качестве артиста он пел, а «санквылтап его звенел, как ручей, завывал как буря, как лес на ветру, щебетал, как птицы на рассвете» [11, 377], то во втором – всем зрителям, казалось, что на сцене вершится чудо, ведь то, о чём пел и играл на древнем музыкальном инструменте, люди видели словно воочию: «И все, кто был в зале, услышали, как сильные, гордые птицы рассекают крыльями воздух, и мы ощутили бескрайний простор небес и счастье полёта под облаками.

Я прикрыл глаза и вновь, как в детстве, оказался во власти Потёпки. Снова услышал я, как железные крылья Ялпус-ойки рассекают со свистом воздух, вновь ощутил я дыхание шайтана, прилетевшего в тёмную комнату шамана» [11, 378].

Описывая восприятие выступления шамана на сцене зрителями, писатель раскрывает его внутренний мир, сущность его характера, в качестве главной проблемы произведения. На протяжении всего рассказа подчёркивая, как легко Потёпка отказался от традиционного, вместе с тем и в начале произведения и в его завершении, писатель ярко раскрывает его подлинный дар. И это означает, что основу традиционного мировоззрения Ю. Шесталова составляют непреходящие ценности и установки, помогающие

ему, несмотря на впечатления внешней и сложной жизни подлинно отображать духовную и материальную культуру своего народа, хотя, как отмечает Ева Тулуз, «В те годы идея защиты национальных интересов не была обозначена. Все приоритеты уже были советскими, и интеллигенция в обществе стала опорой советской власти, её искренней опорой» [9, 101]. Советская власть стремительно ворвалась в жизнь Обского севера. Е. В. Косинцева, исследуя историческую тему в прозе Р. Ругина, также пишет о том, что новые веяния эпохи были направлены «на изменение традиционного уклада жизни коренного населения, ради высокого устремления, по мнению новой власти, «строить новую жизнь», в которой нет места предрассудкам и суевериям» [6, 266].

С шаманом-артистом Потёпкой мы встречаемся и в рассказе «Сказки каменного века». Стонет многострунный журавль в его руках, стонет и сам Потёпка. Слушают зрители сказания волшебной старины и недоумевают: почему в этом живом и весёлом игрище так много плачей и молитв? Зачем молиться людям, если чаши за столом дымятся свежей едой? «Почему всхлипывает старая Яныг-эква, сидящая в углу. Может она вспомнила прошлое?» [12, 80.] О новом времени пишет Шесталов, но его ностальгически тянет в прошлое, даже в древнее прошлое. В целом же, образ Потёпки представлен писателем как тип эпического героя, который призван служить народу, обществу. Шесталов относится к нему с симпатией, возможно, ещё и потому, что «считает шаманов своими предшественниками в литературном творчестве» [2, 124–128].

Обсуждение и заключение

Юван Шесталов – обладает широчайшим диапазоном жанрового мышления, в том числе и эпического. Предпринятое исследование жанра рассказа даже на примере одного произведения позволяет подчеркнуть уникальность художественного мира писателя. Во-первых, в рассказе «Потёпка» отчасти сохранены определённые жанровые особенности, сложившиеся в литературе. Например, элементы композиции расположены в причинно-логической последовательности, рассказчиком переданы события в их доподлинной уникальности, раскрыт образ главного героя. Развязка рассказа представляет собой логическое умозаключение, которое и

является его идеей, и, оно, как мы уже отмечали, было обозначено в последних строках эпитафии: «В те слепые дни былые / Знал ли я, боля, / Что ведь доктор счастье мог бы / Мне вернуть быстрее?». Развязка рассказа созвучна этим словам: «Не боги покинули Потёпку, а Потёпка не захотел больше жить с богами. Он ушёл к людям» [11, 379], т. е. шаман став артистом, по сути, стал противником старого мира. Вспомним, что и в эпитафии герой – противник прежней жизни, того времени, когда он поверил неграмотным старым манси, что его спас шаман.

Во-вторых, в рассказе наряду с темой современной действительности показана историко-культурная панорама народной жизни, например, шаманский обряд исцеления. И это подчёркивает специфическое понимание Шесталовым жизни природы и человека, его творчество уходит корнями в фольклор и мифологию. Именно взаимодействие художественного произведения с фольклором обусловило стилевое своеобразие повествования, в котором помимо сюжетных линий, мотивов показаны традиционные формулы, культовые представления.

В-третьих, в рассказе через судьбу своего героя Шесталов показывает перемены в жизни и сознании манси. Для Потёпки отказ от роли шамана в пользу роли советского артиста произошёл как смена амплуа. Через шаманскую тему писатель показал внутренний (психологический) и общественный конфликт, раскрыл своеобразный национальный характер, на формирование которого, в целом, воздействовали многие события времени: «христианское проповедничество (нежелание становиться русскими)» [3], октябрьская революция 1917 года, сталинские репрессии, Великая Отечественная война (1941–1945) и др. Французский исследователь Самсон Доминик Норман де Шамбур в статье «К вопросу о рае у ненцев и обских угров (XIX–XXI вв.)», рассказывая о своей героине А. Лапсуй, отмечает, что она, перейдя к оседлому образу жизни, прошла обязательную общеобразовательную программу, но при этом научилась путешествовать между мирами, «поочерёдно жить в двух разных социальных пространствах, двух языках, двух культурах. Иногда эти миры взаимодополняют друг друга, иногда совершенно противоположны...» [3]. Считаем, что и герой Шесталова поочерёдно живёт в двух мирах, и конфликт рассказа состоит не столько в характере его взаимоотношений

с внешним пространством, но, возможно, в большей степени – в борьбе его внутреннего мира. Ведь на первый взгляд кажется, что эпоха побеждает героя: Потёпка был шаманом, стал

артистом. Однако то, какое воздействие оказывает на зрителей его песня, исполняемая на сцене, говорит о том, что он всё ещё хранит в себе шаманскую сущность.

Список источников и литературы

1. Динисламова С. С. Интерпретация мифологических сюжетов в произведениях Ю. Шесталова // Финно-угорский мир. 2017. № 4. С. 12–19.
2. Динисламова С. С. Человек и время в прозе Ювана Шесталова (к вопросу о типологии героя) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2018. № 7. С. 124–128.
3. Доминик Самсон Норман де Шамбург. К вопросу о рае у ненцев и обских угров (XIX–XXI вв.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rae-u-nentsev-i-obskih-ugrov-xix-xxi-vv> (дата обращения: 04.04.2019).
4. Домокош Петер Выбор // Хантыйская литература. М.: Литературная Россия, 2002. С. 241–244.
5. Жанр рассказ: особенности, история развития, примеры. Рассказ – это жанр литературы? Признаки рассказа как жанра. URL: <http://fb.ru/article/222870/janr-rasskaz-osobennosti-istoriya-razvitiya-primeryi-rasskaz---eto-janr-literaturyi-priznaki-rasskaza-kak-janra> (дата обращения: 20.03.2019).
6. Косинцева Е. В. Историческая тема в прозе Р. П. Ругина // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 259–267.
7. Пошатаева А. В. Проза Ювана Шесталова // Шесталов Ю. Собрание сочинений. В 5 т. СПб.; Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т. 3. С. 9–20.
8. Соболюкова М. Н. Художественное своеобразие литератур народов Севера (60–80-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/hudozhestvennoe-svoeobrazie-literatur-narodov-severa-60-80-e-gody> (дата обращения: 16.03.2019).
9. Тулуз Ева Евра – начало всех начал // Мансийская литература: сборник. М.: Литературная Россия, 2003. С. 101–113.
10. Чепкасов Е. В. Художественное осмысление шаманства в произведениях Ю. Н. Шесталова 1950-х–1980-х годов // Юван Шесталов: исследования феномена / С. С. Динисламова, К. Надь, Е. В. Чепкасов. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика, 2012. С. 227–466.
11. Шесталов Ю. Потёпка // Собрание сочинений. В 5 т. СПб.; Ханты-Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т. 1. С. 370–379.
12. Шесталов Ю. Сказки каменного века. Л.: Советский писатель, Лен. отд., 1978. 176 с.
13. Щукина Н. Е. Мифопоэтический анализ рассказа В. Санги «У истока» (попытка анализа текста «младописьменной» нивхской литературы). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifopoeticheskiy-analiz-rasskaza-v-sangi-u-istoka-popytka-analiza-teksta-mladopismennoy-nivhskoy-literatury/> (дата обращения: 02.04.2019).
14. Domokos Péter Az udmurt irodalom története. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. pp. 150–345.
15. Nagy Katalin Juvan Nyikolajevics Sesztalov manysi költő és író életműve I-II. Budapest, 1989. 367 p.
16. Toulouze Eva «Les Khantys et les Mansis au debut des annees quatre-vingt dix» // Peuples des Grands nord, Traditions et transitions. Paris: Presses de la Sorbonne nouvelle INALCO. 1995. pp. 39–42.

References

1. Dinislamova S. S. *Interpretaciya mifologicheskikh syuzhetov v proizvedeniyah Yu. Shestalova* [Interpretation of mythological plots in the works of Yu. Shestalov]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric world], 2017, no. 4, pp. 12–19. (In Russian)
2. Dinislamova S. S. *Chelovek i vremya v proze Yuvana Shestalova (k voprosu o tipologii geroya)* [The man and time in the prose of Yuvan Shestalov (to the question of the hero's typology)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series «Humanities»], 2018, no. 7, pp. 124–128. (In Russian)
3. Dominik Samson Norman de Shamburg *K voprosu o rae u nencev i obskih ugrov (XIX–XXI vv.)* [To the question about the paradise of the Nenets and Ob Ugrians (XIX–XXI centuries)]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-rae-u-nentsev-i-obskih-ugrov-xix-xxi-vv> (accessed April 04, 2019). (In Russian)
4. Domokosh Peter *Vybor* [Choice]. *Hantyjskaya literatura* [Khanty literature]. Moscow: Literaturnaya Rossiya Publ., 2002. pp. 241–244. (In Russian)
5. *Zhanr rasskaz: osobennosti, istoriya razvitiya, primery. Rasskaz – eto zhanr literatury? Priznaki rasskaza kak zhanra* [The genre of a story: features, history of development, examples. Is a story the genre of literature? The signs